

Глава 25. Праздник фонарей: отец и дочь любят огни

Сыту Юй приподнял брови и едва заметно улыбнулся. Приходилось признать: понимали они друг друга с полуслова.

Постукивая сложенным веером по ладони, он спросил:

— Ты и вправду собираешься после Нового года вступить в Армию Сюаньлин?

Сяо Чжюань негромко рассмеялся:

— Разумеется. Для меня большая честь учиться у великого князя Жуя. А насчёт того разговора... не беспокойтесь, Ваше Высочество, я ничего не забыл. Просто мы пока слишком молоды, да и сил у нас маловато. Не находите?

Сыту Юй промолчал. Любые помыслы сейчас следовало держать при себе, глубоко внутри. Однако он знал: настанет день, когда эти бескрайние земли расстелются у его ног, и тогда все его замыслы воплотятся в жизнь.

Сяо Чжюань с мягкой улыбкой наблюдал за юным принцем. В глубине души он признавал, что уступает собеседнику. Сам он в эти годы даже не задумывался о подобных вещах. Жизненные невзгоды — лучший учитель.

Получив желаемое обещание, Сыту Юй вернулся в свои покои и ничуть не удивился, обнаружив там гостя. Подавив лишние чувства, он вежливо поклонился:

— Приветствую вас, седьмой дядя.

Сыту Жуй окинул племянника тёплым взглядом и мягко улыбнулся:

— Уже поздно. Ложись спать.

Сказав это, он развернулся и ушёл.

Сыту Юй недоумённо нахмурился.

«И что это значило? Прождать здесь столько времени и не обронить ни слова?»

На следующий день Гу И и Сяо Чжюань уехали.

В усадьбе Линь сразу стало тише. К счастью, здесь всё ещё оставались Сыту Жуй со своими людьми. Поначалу Дайюй никак не могла привыкнуть к внезапному затишью, но общество Сыту Цзиня, который ежедневно развлекал её, и внимание Сыту Юя, почти не покидавшего теперь поместье, сгладили тоску от разлуки.

Сыту Юй был гораздо старше детей. И хотя он не принимал участия в их шумных забавах, всё же приглядывал за младшим братом, а заодно сблизился и с Дайюй. В императорском дворце у него было несколько сестёр-принцесс. Но, во-первых, его собственная мать безвременно скончалась, не оставив ему единоутробной сестры, а во-вторых, благородные девицы в столице редко отличались простотой нрава. Отношения между ними всегда оставались натянуто-вежливыми. Дайюй же, будучи единственной дочерью в семье, где не знали грязных интриг, сохранила редкую чистоту души.

Вскоре Сыту Юй стал относиться к ней как к родной сестре, балуя искренней заботой.

Однако безмятежная пора быстро подошла к концу — близился Новый год. Как бы Сыту Жую ни хотелось остаться в Янчжоу, долг обязывал членов императорской семьи встречать праздник в столице. В канун Нового года они спешно отбыли туда.

В поместье Линь воцарилась тишина. К счастью, Линь Хай в эти дни был свободен от государственных забот и всё свободное время посвящал дочери.

Печаль Дайюй, навеянная чередой расставаний, постепенно рассеялась. Дни, проведённые за чтением книг в компании отца, приносили ей искреннюю радость.

Новогодняя ночь выдалась тихой — за праздничным столом сидели лишь отец и дочь. Дайюй невольно вспомнила прошлый год: тогда мама была жива, и всё семейство собиралось вместе. От этих мыслей на душе у неё сделалось тоскливо.

Линь Хай ласково погладил дочь по голове, безмолвно утешая её.

Дайюй быстро справилась с грустью и, подняв глаза на отца, ласково улыбнулась:

— Отец, со мной всё хорошо. Ведь у меня есть вы.

Глядя на её бледное личико, Линь Хай почувствовал боль в сердце.

— Да, дитя моё. У тебя всегда есть отец.

Чтобы скоротать долгие часы бдения в новогоднюю ночь, Линь Хай велел принести гуцинь и предложил дочери сыграть вместе. Дайюй впервые видела, чтобы отец брался за музыкальный инструмент.

Заметив её изумление, Линь Хай смутился. В юности он, как и полагалось благородному мужу, в совершенстве овладел шестью искусствами, но государственная служба отнимала слишком много сил, не оставляя времени для музыки.

Теперь, перебирая струны, он невольно вспомнил о том, кто сейчас находился далеко в столице. В редкие часы досуга они больше всего любили играть вместе: один — на цине, другой — на сяо.

Вспомнив обещание гостя вернуться сразу после праздников, Линь Хай невольно улыбнулся.

Дайюй удивлённо взглянула на отца. С чего бы ему вдруг так радоваться?

Незаметно подошёл к концу первый лунный месяц. Родственников у семьи Линь в этих краях почти не осталось, хозяйки в доме не было, а сама Дайюй всё ещё соблюдала траур, так что приглашений в гости они не получали. Лишь изредка девочка сопровождала отца к немногочисленным сородичам из их клана.

Сам же Линь Хай, будучи ключевой фигурой в чиновничьих кругах Цзяннани, завидным досугом похвастаться не мог — праздничные визиты вежливости отнимали много времени. Кроме того, ещё до наступления праздников из Поместья Жунго доставили новогодние дары от семейства Цзя. Спустя столько времени родственники покойной супруги даже не сочли нужным извиниться за прежнюю бестактность, да и сами подарки прислали весьма скромные. Линь Хай лишь презрительно усмехнулся. Ради Дайюй он не собирался окончательно рвать отношения с её бабушкой, но и сближаться более не желал.

Дайюй, узнав об этом, опечалилась. Хотя она ни разу не видела родных своей матушки, они всё же оставались её близкими. Матушка при жизни часто рассказывала о родительском доме, и Дайюй знала, как сильно та тосковала по родным краям. Оттого на душе у девочки становилось лишь горше.

Молоденькие служанки не решались лезть с утешениями, но матушка Лю, вовремя заметив уныние своей подопечной, поспешила отвлечь её разговорами.

После того как Сыту Жуй уладил разногласия с Линь Хаем, наставница по этикету вернулась к Дайюй. Пережив столько потрясений, пожилая женщина наконец осознала своё положение и отныне искренне и преданно заботилась о юной госпоже.

В глубине души наставница по этикету презирала семейство Цзя, но виду не подавала.

— Подумайте сами, барышня, — мягко заговорила она. — Хотя они и родня вашей матушке, для нас они люди далёкие. Стоит ли из-за них проливать слёзы и расстраивать отца?

Дайюй горько вздохнула:

— Я всё понимаю, наставница по этикету. Мне просто обидно за маму.

Пожилая женщина хоть и не питала тёплых чувств к покойной госпоже Цзя, но о покойных дурно не говорила. К тому же она считала, что юной госпоже лучше держаться подальше от столичной родни.

— Наш господин души в вас не чает и никогда не даст в обиду, — степенно продолжала матушка Лю. — Но о некоторых вещах вам всё же полезно знать. Не всякое знатное семейство ведёт себя столь недостойно. В прежние времена в Поместье Жунго царил образцовый порядок, однако после кончины старого гуна хозяева совсем позабыли о приличиях. Уж простите мне мою дерзость, барышня, но великое счастье, что покойная госпожа характером пошла в своего батюшку, старого герцога.

Дайюй удивлённо приподняла брови:

— Отчего вы так говорите, матушка? Мама часто повторяла, что хоть наши дома и отделились друг от друга, но Поместье Жунго всё же носит имя герцога. Неужели бабушка допустит подобное бесчинство?

Пожилая женщина ласково погладила Дайюй по плечу:

— Покойная госпожа долгие годы провела здесь, в Янчжоу, вдали от столицы, и многого просто не знала. Я же, живя там, наслушалась всякого... Только не пристало мне забивать вам голову этими сплетнями.

— Говорите прямо, наставница по этикету, — мягко прервала её Дайюй. — Хоть я и мала, но сумею отличить правду от вымысла. Рано или поздно отцу придётся вернуться на службу в столицу, и мне лучше знать, к чему готовиться. Не так ли?

Наставница по этикету вздохнула и сокрушённо покачала головой:

— Коли так... Скажу лишь, что в Поместье Жунго давно позабыли о приличиях. Наша семья мала, у нас тихо и спокойно, а в больших домах всегда полно дрызг и тайных козней. Об интригах во внутренних покоях мы поговорим, когда вы подрастёте, а пока упомяну лишь о двух вещах. Во-первых, там совершенно не уважают старшинство. Старший сын, унаследовавший титул, ютится на задворках, уступив главные покои младшему брату. Во-вторых, воспитанию дочерей там не уделяют должного внимания. Старшую барышню они, положим, выучили как следует, а вот дочь главной ветви отправили в императорский дворец служить дворцовой чиновницей. Сами понимаете, ради чего принесли в жертву гордость знатного рода. Остальные же тамошние барышни ещё малы, но никто и пальцем не ударил, чтобы нанять им достойных наставниц по этикету.

Дайюй промолчала. В конце концов, это были дела чужого дома, и вмешиваться в них она не имела права.

Наставница по этикету не желала, чтобы у девочки сложилось доброе мнение о столичных родственниках, но и не спешила выкладывать все грязные подробности сразу. Заметив, что юная госпожа притихла, она мягко перевела разговор на другое.

Дайюй вняла советам наставницы по этикету. Не желая расстраивать отца пустыми расспросами, она решила больше не вспоминать о семействе Цзя.

Заметив, что дочь повеселела, Линь Хай вздохнул с облегчением. Он и сам недолюбливал родню покойной супруги, однако благородному мужу не пристало чернить семью жены перед собственным ребёнком. То, что наставница по этикету мягко открыла девочке глаза на истинное положение дел, оказалось как нельзя кстати. В который раз Линь Хай порадовался, что пригласил в дом опытную наставницу — воспитанием девицы в отсутствие матери должен заниматься тот, кто понимает законы женской половины дома.

Желая окончательно развеять грусть дочери, Линь Хай решил устроить ей праздник. Как раз приближался Праздник фонарей, и отец пообещал Дайюй прогулку по праздничным улицам Янчжоу.

Услышав об этом накануне, Дайюй пришла в неописуемый восторг. Весь следующий день она то и дело поглядывала на окно, с нетерпением ожидая сумерек. Линь Хай лишь посмеивался, глядя на её нетерпение, но радость дочери согревала ему душу.

Увы, стоило им собраться у дверей, как дорогу преградил старейшина Чжэн. Глядя на дымящуюся пиалу с тёмным отваром, Линь Хай невольно поморщился, однако под умоляющим взглядом дочери ему пришлось выпить горькое снадобье до последнего глотка. Сам себе он ни за что не признался бы, что втайне надеялся пропустить сегодняшний приём.

С тех пор как Сыту Жуй проведаль о подорванном здоровье Инспектора соляного надзора, он вместе с императорским лекарем Чжэном завалил поместье рецептами укрепительных снадобий. Линь Хай оказался в незавидном положении человека, вынужденного пить целебную горечь изо дня в день. Поначалу он пытался спорить, но великий князь Жуй поступил хитрее — перетянул на свою сторону Дайюй.

Противостоять этому заговору старшего и младшего Линь Хай не решился и безропотно подчинился их воле.

Убедившись, что Инспектор соляного надзора выпил всё до капли, лекарь Чжэн удовлетворённо кивнул. Перед отъездом великий князь Жуй прямо заявил: если господин Линь пропустит хоть один день, лекарю несдобровать. И пусть угроза, скорее всего, была шутливой, проверять это на себе старейшина Чжэн не горел желанием.

Линь Хай поспешил увести Дайюй, пропустив мимо ушей ворчание лекаря, призывавшего не задерживаться допоздна. В конце концов, того грозного ценителя дисциплины в усадьбе не было, так что и отчитывать его некому!

Дайюй с лукавой улыбкой взглянула на отца:

— Отец, вы ведь просто боитесь, что дядя Жуи разгневаётся, когда вернётся?

Линь Хай на мгновение опешил, но тут же напустил на себя строгий вид:

— О чём ты говоришь, Юй-эр? Великий князь слишком занят делами государственной важности, чтобы следить за подобными глупостями.

Но девочку было не обмануть. Она прекрасно видела, как сильно дядя Жуи пёкса об отце. Перед отъездом он даже шепнул ей, что вернётся сразу по окончании праздников.

«Вот приедет дядя Жуи, и я непременно пожалуюсь ему, что отец капризничает и не хочет лечиться! Сам меня хвалил за послушание, а ведь мне повезло больше — меня потчуют вкусными целебными лакомствами, а не горькой микстурой».

Дайюй искоса поглядела на приунывшего отца. Вспомнив, какой противный запах шёл от пиалы, она засомневалась.

«А вдруг снадобье и впрямь невыносимо горькое? Может, всё-таки пощадить его и промолчать? Но ведь если не рассказать дяде Жуи, отец совсем от рук отбьётся и перестанет пить лекарства».

Юная Дайюй не на шутку растерялась.

Линь Хай даже не подозревал, какие недетские думы одолевают его маленькую дочь. Когда они добрались до торговых кварталов, там уже яблоку негде было упасть. Опасаясь давки, отец бережно поднял Дайюй на руки. Слуги плотным кольцом окружили их, ограждая от напирющей толпы.

Нравы в Цзяннани были куда свободнее столичных, а в праздничную ночь и вовсе допускались послабления: благородные девицы могли прогуливаться в сопровождении родных, не пряча лиц.

Потому и Дайюй сегодня вышла без плотной вуали. Впрочем, условности приличий её сейчас не заботили — девочка восторженно смотрела на пёстрое великолепие сияющих праздничных огней, замороженная ими.